

ТРИЛОГИЯ МАКОВЫХ ВОЙН

ОПИУМНАЯ ВОЙНА
РЕСПУБЛИКА ДРАКОН
ПЫЛАЮЩИЙ БОГ

REBECCA F.

KUANG

THE POPPY
WAR

fanzon

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К88

Rebecca Kuang
THE POPPY WAR

Copyright © 2018 by Rebecca Kuang
Published by permission of the author and his literary agents,
Liza Dawson Associates (USA)
via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Cover illustration by Sergey Shikin
Cover illustration and layout design
Copyright © by Fabryka Słów sp. z o.o.

Куанг, Ребекка.

К88 Опиумная война / Ребекка Куанг ; [перевод с английского
Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с.

ISBN 978-5-04-164760-5

Рин — сирота и торгует зельями и травами в лавке приемных родителей. Единственный шанс сбежать от такой жизни — сдать вступительный экзамен в военную академию Синегарда. Но достижение цели оказывается лишь первым звеном в цепи испытаний.

Агрессивная Федерация Муген развязывает войну и начинает оккупацию, и Рин придется сражаться плечом к плечу с бывшими недоброжелателями, попробовать на вкус предательство и сделать выбор — сохранить человечность или стать шаманом — проводником сил одного из беспощадных и кровожадных богов.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-164760-5

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Айрис

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Раздевайся.

— Что?! — вытаращила глаза Рин.

Надзиратель оторвал взгляд от бумаг.

— Протокол, для предотвращения обмана. — Он махнул рукой в другой конец комнаты, на надзирательницу. — Ступай с ней.

Рин скрестила руки на груди и подошла, куда сказано. Надзирательница повела ее за ширму, ощупала на предмет того, не засунула ли она куда материалы для экзамена, а потом протянула бесформенный синий мешок.

— Надень, — велела она.

— Это точно необходимо?

Рин разделась, стуча зубами. Экзаменационная рубашка оказалась ей велика, пришлось закатать рукава.

— Да. — Надзирательница жестом велела сесть на скамью. — В прошлом году поймали двенадцать студентов с зашитыми в подкладку шпаргалками. Мы принимаем меры предосторожности. Открой рот.

Рин подчинилась.

Та надавила ей на язык тонкой палочкой.

— Цвет не изменен, это хорошо. Открой глаза пошире.

— С чего бы кому-то принимать наркотики *перед* экзаменом? — спросила Рин, пока надзирательница поднимала ее веки.

Ответа не последовало.

Надзирательница махнула Рин, чтобы шла в коридор, где неровной вереницей выстроились другие потенциальные студенты — с пустыми руками и напряженными лицами. На экзамен они не брали ничего, ведь в кисть тоже можно засунуть скрученные шпаргалки.

— Держите руки так, чтобы мы их видели, — приказал надзиратель, расхаживая перед шеренгой. — Рукава закатать выше локтя. Друг с другом не разговаривать. Если кому-то нужно в туалет, поднимите руку. В дальнем углу зала есть ведро.

— А если приспичит по-большому? — спросил какой-то парень.

Надзиратель смерил его долгим взглядом.

— Экзамен длится двенадцать часов, — извиняющимся тоном добавил парень.

Надзиратель пожал плечами.

— Тогда постарайтесь не шуметь.

Рин слишком волновалась, чтобы позавтракать. Одна мысль о еде вызывала тошноту. Желудок и кишечник были пусты. Лишь разум наполнен — забит безумным количеством математических формул, поэм, научных трактатов и исторических дат, которые предстояло излить на экзаменационный лист. Она была готова.

Аудитория вмещала сотню абитуриентов. Столы были выстроены аккуратными рядами по десять в каждом. На каждом столе лежали толстый экзаменационный буклет, чернильница и кисть для письма.

Во многих провинциях Никана для тысяч абитуриентов каждый год отводили целиком здание городской управы. Но Тикани в провинции Петух было всего лишь селом, заполненным крестьянами, где больше нуждались в рабочих руках для полей, чем в отпрысках с университетским образованием. В Тикани для экзамена хватало и одной комнаты.

Рин вошла в нее с другими претендентами и заняла назначенное ей место. Она задумалась о том, как абитуриенты выглядят сверху — аккуратные клеточки черных волос, одинаковые синие рубахи и коричневые деревянные столы. Представила многочисленные аудитории по стране, где все в нервном предвкушении смотрят на водяные часы.

Зубы Рин отбивали безумное стаккато, причем не от холода, и вероятно, этот звук слышали все остальные. Она стиснула челюсти, но дрожь побежала по рукам и коленям. Кисть для письма тряслась в ладони, оставляя на столе черные кляксы.

Рин сжала кисть покрепче и написала свое имя на титульном листе буклета: «Фан Рунин».

Волновалась не только она. Судя по звукам, в дальних рядах кого-то уже вырвало.

Она стиснула пальцами бледные шрамы от ожогов на запястье и выдохнула.

«Сосредоточься».

В углу тихо звякнули водяные часы.

— Начали, — сказал экзаменатор.

Разом зашелестела сотня экзаменационных буклетов, как будто вспорхнула стайка воробьев.

Два года назад, когда регистрационная палата Тикани постановила, что Рин исполнилось четырнадцать, ее вызвали к себе приемные родители.

Такое случалось редко. Обычно Фаны делали вид, что Рин не существует, пока для нее не находилось задания, а потом ей отдавали приказы — как собачонке. «Запри лавку». «Развесь белье». «Отнеси пакет с опиумом соседям; и не вздумай уходить, пока не сдерешь с них вдвое больше той суммы, которую заплатили мы!»

В гостевом кресле восседала женщина, которую Рин никогда прежде не видела. Лицо было покрыто толстым слоем чего-то вроде белой рисовой муки, не считая островков цвета на губах и веках. Она была в ярко-лиловом платье с узором из цветов сливы, но фасон годился, скорее, для девушки вдвое моложе. Приземистая фигура переваливалась через боковины кресла, как мешок с зерном.

— Это та самая девочка? — спросила гостя. — Хм. Уж больно смуглая, инспектор и бровью не поведет, если вы слегка не прибавите цену.

У Рин возникло кошмарное подозрение относительно происходящего.

— Кто вы? — спросила она.

— Сядь, Рин, — велел дядюшка Фан.

Он твердо указал ей на стул. Рин тут же пустилась наутек. Тетушка Фан схватила ее за руку и притащила обратно. Последовала короткая схватка, тетушка Фан одолела Рин и толкнула ее к стулу.

— Я не пойду в бордель! — завопила Рин.

— Она не из борделя, дура, — огрызнулась тетушка Фан. — Сядь. Выкажи хоть каплю уважения свахе Лью.

Сваху Лью это нисколько не побеспокоило: по работе она часто сталкивалась с обвинениями в торговле секс-товаром.

— Тебе очень повезло, милая, — сказала она бодро и с наигранной лаской. — Хочешь узнать почему?

Рин вцепилась в край стула и уставилась на красные губы свахи.

— Нет.

Улыбка свахи Лью слегка потухла.

— Ну разве не милашка?

Оказалось, что после долгих и упорных поисков сваха Лью нашла в Тикани мужчину, желающего жениться на Рин. Это был богатый торговец, импортер свиных ушей и акульих плавников. Он уже дважды развелся и был втрое старше нее.

— Ну разве не чудесно? — просияла сваха Лью.

Рин бросилась к двери. Она не успела сделать и двух шагов, как тетушка Фан схватила ее за руку.

Рин знала, что за этим последует. Она приготовилась выдержать удар, тычки по ребрам, где не видно синяков, но тетушка Фан только подтащила ее обратно к стулу.

— Веди себя прилично, — прошептала она, и стиснутые зубы обещали наказание, но не сейчас, не в присутствии свахи Лью. Тетушка Фан не любила творить жестокости на людях.

Не знающая об этом сваха Лью прищурилась.

— Не бойся, милая. Это же так чудесно!

Рин замутило. Она повернулась, чтобы посмотреть на приемных родителей, и постаралась говорить спокойно:

— Я думала, что нужна вам в лавке.

Почему-то больше ничего в голову не шло.

— Лавкой займется Кесеги, — ответила тетушка Фан.

— Кесеги всего восемь.

— Он скоро вырастет. — Глаза тетушки Фан блестели. — А твой будущий муж — как раз местный инспектор по импорту.

И тогда до Рин дошло. Фаны заключили простую сделку: сирота взамен на почти что монополию на черном рынке опиума в Тикани.

Дядюшка Фан глубоко затянулся из трубки и наполнил комнату густым тошнотворным дымом.

— Он богат. Ты будешь счастлива.

Нет, это Фаны будут счастливы. Они смогут импортировать опиум крупными партиями, не тратясь на взятки. Но Рин держала

рот на замке — дальнейшие споры принесут только боль. Ясно, что Фаны выдадут ее замуж, даже если придется волоком тащить ее в супружескую постель.

Рин никогда не была им нужна. Они взяли ее только потому, что указ императрицы после Второй опиумной войны повелевал всем семьям меньше чем с тремя детьми усыновить сирот, которые иначе стали бы ворами и попрошайками.

А раз детоубийство в Тикани не приветствовалось, Фаны сделали Рин продавщицей и опиумным курьером, как только она научилась считать. И все же, несмотря на то что Фаны не платили Рин за труд, они полагали, что тратят на ее кормежку и содержание слишком много. И теперь получили возможность избавиться от нее и этого финансового бремени.

Торговец может кормить и одевать Рин до конца ее дней, объяснила сваха Лью. Ей лишь надлежит окружить его нежностью, как и положено хорошей жене, рожать детей и следить за домом, в котором, как отметила сваха Лью, есть целых две уборные. Это самая лучшая сделка, на какую может рассчитывать военная сирота вроде Рин — без родни и связей.

Муж — для Рин, деньги — для свахи, и наркотики — для Фанов.

— Ух ты, — тихо выдохнула Рин. Пол под ее ногами ходил ходуном. — Прекрасно. Просто отлично.

Сваха Лью снова просияла.

Рин скрыла панику, стараясь дышать ровно, пока сваху не проведут из дома. Она низко поклонилась Фанам, поблагодарила их, как преданная приемная дочь, за хлопоты и за то, что добились для нее такого стабильного будущего.

Она вернулась в лавку, где проработала до темноты — принимала заказы, заполняла полки, отмечала новые заказы в книге.

Закавыка была в том, что приходилось очень аккуратно обращаться с цифрами при записи заказов. Так просто спутать девятку с восьмеркой¹. А еще проще — семерку с единицей².

Давно уже скрылось солнце, когда Рин вышла из лавки и заперла дверь.

Сунула пакет с краденым опиумом под рубаху и побежала.

¹ Кит. яз., иероглифы 九 и 八 соответственно (прим. ред.).

² Кит. яз., иероглифы 七 и 一 соответственно (прим. ред.).

— Рин? — Из двери библиотеки высунулся иссохший человек небольшого роста. — Великая черепаха! Что ты здесь делаешь? Льет как из ведра.

— Пришла вернуть книгу, — ответила она, протягивая влагопроницаемый пакет. — А еще я выхожу замуж.

— Ясно. Что?! Входи.

Учитель Фейрик давал бесплатные уроки для крестьянских детей Тикани, иначе они выросли бы неграмотными. Рин доверяла ему больше, чем кому бы то ни было, и как никто другой понимала его слабости.

А потому он стал важной вехой в ее плане.

— Ваза пропала, — заметила она, оглядев тесную библиотеку.

Учитель Фейрик разжег камин и закрыл его шторкой. Потом жестом пригласил Рин сесть.

— Неудачная игра. Да и весь вечер.

Учитель Фейрик имел пагубное пристрастие к «Дивизионам» — чрезвычайно популярной игре в притонах Тикани. Но хуже всего было то, что он плохо играл.

— Бессмыслица какая-то, — заявил учитель Фейрик, когда Рин поведала ему о визите свахи. — С чего бы Фанам выдавать тебя замуж? Ты же их бесплатная рабочая сила!

— Да, но они решили, что я буду полезнее в постели инспектора по импорту.

— Вот же мерзавцы! — возмутился учитель Фейрик.

— Так вы можете? — с надеждой спросила Рин.

Он вздохнул.

— Дорогая девочка, если бы твои родители отправили тебя учиться в более юном возрасте, можно было бы об этом подумать... Я рассказал Фанам о твоём потенциале. Но сейчас ты говоришь о невозможном.

— Но...

Он поднял руку.

— Больше двадцати тысяч претендентов каждый год сдают кэцзюй, и только три тысячи поступают в академии. А из Тикани — всего несколько человек. Ты будешь соревноваться с детьми из богатых семей — семей торговцев и людей благородного сословия, которые всю жизнь учились.

— Но ведь я брала у вас уроки. Неужели экзамен такой сложный?

Учитель хмыкнул.

— Ты умеешь читать и пользоваться счетами. Этого недостаточно, чтобы сдать кэцзюй. Для этого экзамена требуются глубокие знания истории, математики, логики и классической литературы...

— Четыре благородных предмета, я знаю, — нетерпеливо проговорила она. — Но я быстро схватываю. Я знаю больше иероглифов, чем большинство взрослых в деревне. Уж точно больше Фанов. Я могу догнать других учеников, если вы только позволите мне попробовать. Мне даже не нужны уроки. Только книги.

— Читать книги — это одно, — сказал учитель Фейрик. — Но подготовка к кэцзюй требует полного погружения. Мои ученики посвящают этому всю жизнь, по девять часов в день, семь дней в неделю. А ты вместо этого работаешь в лавке.

— Я могу заниматься и в лавке, — возразила Рин.

— Разве у тебя там нет обязанностей?

— Я умею делать несколько дел одновременно.

Учитель скептически оглядел Рин, а потом покачал головой.

— У тебя есть только два года. Ничего не выйдет.

— Но у меня нет другого выхода, — выкрикнула она.

В Тикани незамужняя девушка вроде Рин стояла не дороже петуха. Она могла бы стать служанкой в богатом доме, если бы подкупила нужных людей. А иначе только два пути — проституция или попрошайничество.

И это не преувеличение, как бы театрально ни звучало. Рин могла бы сбежать из города с украденным опиумом, купив проезд в караване в какую-нибудь другую провинцию. Но куда ехать? У нее нет ни друзей, ни семьи — никто не придет на помощь, если ее похитят или ограбят. И у нее нет никаких полезных умений: она никогда не покидала Тикани и ничего не знает о выживании в крупном городе.

А если ее схватят с таким количеством опиума... Хранение опиума в империи считалось тяжким преступлением. Ее отволокут на городскую площадь и публично обезглавят как очередную жертву безуспешной войны империи против наркотиков.

Есть только один выход. Нужно убедить учителя Фейрика.

Рин протянула книгу, которую пришла вернуть.

— Это Мэн-цзы, «Размышления об искусстве управления государством». Я держала ее всего три дня, верно?